

Карен М. Макманус

Карен М. Макманус

Издательство АСТ
Москва

Посвящаю Закари, Шейлин и Эйдану

ГЛАВА 1

Айви

Я с уважением отношусь к любым хорошо продуманным чек-листам, но, по-моему, мама перегибает палку.

— Прости, какая страница? — За кухонным столом я просматриваю страницы распечатанного текста под испытующим взглядом мамы, взирающей на меня из окошка «Скайп». Заголовок гласит: «Путешествие Стерлингов-Шепардов в честь 20-летней годовщины свадьбы: руководство для Айви и Дэниела». Всего одиннадцать страниц. С двух сторон. Первый отъезд, когда они с папой оставили нас дома одних — на четыре дня! — мама спланировала с военной детальностью и точностью, присущими ей во всех делах. Из-за дотошного руководства и постоянных звонков по «Скайпу» и «Фейс тайм» складывается ощущение, что они никуда и не улетали.

— Девятая, — отвечает мама. Ее светлые волосы уложены сзади в фирменный французский узел, макияж идеален, хотя в Сан-Франциско сейчас нет и пяти утра. До обратного рейса родителей еще не меньше трех с половиной часов, но мама, как всегда, уже готова. — Сразу после раздела об освещении.

— Об освещении! — драматично вздыхает мой брат Дэниел, сидя напротив меня и накладывая в чашку сухой завтрак из коробки «Лакки чармз». Пусть ему 16 — предпочтения в еде у него, как у детсадовца. — А я думал, мы можем включать свет, когда он нужен,

и выключать, когда не нужен. Видимо, я ошибся. Да еще как.

— Хорошо освещенный дом отпугивает домушников, — говорит мама, словно забыв, что единственное преступление на нашей улице совершают дети, которые катаются на велосипедах без шлемов.

Мне хочется закатить глаза, но я сдерживаюсь: переспорить маму все равно невозможно. Она преподает прикладную статистику в Массачусетском технологическом, и у нее всегда на все есть самая актуальная информация. Вот почему я послушно вожу пальцем по разделу о церемонии награждения — списку дел для подготовки к церемонии, на которой маму назовут почетным жителем Карлтона за доклад о злоупотреблении опиоидами в нашем штате.

— Нашла, — говорю я, быстро пробегая по странице глазами, проверяя, не упустила ли что-то. — Вчера я забрала твою платье из химчистки, так что все в порядке.

— Вот это я и хотела с тобой обсудить, — говорит мама. — Наш рейс прибывает в пять тридцать. Теоретически церемония начнется в семь, так что у меня достаточно времени, чтобы захватить домой и переодеться. Но я только сейчас поняла, что мы с тобой не обсудили план действий на случай, если мы прилетим позже и мне придется ехать в Карнеги-холл прямо из аэропорта.

— Э-э-э... — Я чувствую, как с экрана ноутбука за мной следит ее внимательный взгляд. — Ну тогда можешь просто написать мне?

— Напишу, если смогу. Пожалуй, тебе надо подписаться на уведомления о рейсе, если вдруг в самолете не будет работать вай-фай, — говорит мама. — Если мы не сядем до шести, я хочу, чтобы ты встретила нас в аэропорту и привезла платье с собой. А еще туфли

и украшения. Есть под рукой ручка? Я скажу, какие именно.

Дэниел накладывает себе еще хлопьев, а я, делая пометки, пытаюсь подавить уже привычное для себя презрение к брату. Я полжизни трачу на то, чтобы понять, почему мне всегда приходится стараться в два раза больше Дэниела!.. Впрочем, в этот раз я сама напросилась. До отлета родителей я лично настояла на том, что проконтролирую все моменты церемонии награждения, — боялась, что, если у меня ничего не выйдет, мама поймет, что совершила ошибку, попросив заняться этим меня, а не Дэниела. Разумней было бы выбрать моего гениального братца, перескочившего через один класс и превзошедшего меня в выпускном классе во всем.

В глубине души я уже считаю, что мама жалеет о своем решении. Особенно после вчерашнего, когда моя единственная претензия на школьную славу была разбита в пух и прах.

Я откладываю ручку, отодвигаю пустую чашку и чувствую, как скрутило живот. Мама, как никогда встревоженная, замечает этот жест.

— Айви, прости, я отрываю тебя от завтрака!

— Ничего, я не голодная.

— Все равно надо поесть, — предупреждает она меня. — Сделай себе тост. Или возьми что-то из фруктов.

Мысль о еде нисколько меня не привлекает.

— Не хочу.

Мама встревоженно хмурится.

— Ты не заболела?

Прежде чем я успеваю ответить, Дэниел, притворяясь, что громко кашляет, выдавливает из себя:

— Бони!

Я бросаю на него сердитый взгляд, а потом смотрю на маму, чтобы понять, уловила ли она этот намек.

Ну конечно, уловила.

— Детка, — зовет она меня; ее лицо выражает сочувствие и даже какую-то раздраженность. — Ты все еще переживаешь из-за выборов, да?

— Нет, — вру я.

Выборы. Мое вчерашнее фиаско. Я, Айви Стерлинг-Шепард, трижды президент класса, проиграла выборы выпускного года Брайану Бони Махони. Который участвовал только ради смеха. Его слоган был «Голосуйте за Бони, и я оставлю вас в покое».

Ладно. Слоган действительно прилипчивый. И теперь Бони — президент класса, хотя он вряд ли что-то станет делать, а ведь у меня был целый план по улучшению жизни учеников Карлтонской старшей школы. Я договорилась с местными фермерами о поставке органических продуктов для нашего буфета, а с одним из консультантов по профориентации — о программе посредничества при решении споров между учениками. Не говоря уже о сотрудничестве по обмену ресурсами с Карлтонской библиотекой, благодаря чему наша школьная библиотека начала предоставлять электронные и аудиокниги наряду с обычными. Я даже собиралась организовать сдачу крови учеников выпускного класса для больницы Карлтона, хотя сама от одного вида иголок тут же падаю в обморок.

Но оказалось, что всем на это плевать. Поэтому сегодня, ровно в десять утра, Бони произнесет перед учениками выпускного класса свою победную речь. Если она будет похожа на то, что он говорил во время наших дебатов, значит, тоже будет состоять из длинных пауз между сальными шуточками.

Очень обидно. Я гордилась тем, что участвую в школьном самоуправлении. Единственное, в чем я когда-либо превзошла Дэниела. Ну, не то чтобы превзошла, конечно, ведь ему вообще на это плевать, но все равно. Это было моей территорией.

Мамин взгляд словно говорит: «Время быть жесткой, но справедливой». Это один из ее самых выразительных взглядов, выразительней только «Не смей говорить со мной в таком тоне».

— Детка, я представляю, как ты расстроена. Однако на этом заикливаться нельзя, а не то еще станет дурно.

— Кому там дурно? — захохотал голос отца где-то в их номере. Секундой позже из ванной появляется он сам, одетый в свой обычный для путешествий наряд и вытирая седеющие волосы полотенцем. — Надеюсь, не тебе, Саманта. У нас впереди шестичасовой перелет.

— Со мной все хорошо, Джеймс. Я говорю с...

Папа подходит к столу, за которым сидит мама.

— Это Дэниел? Дэниел, ты что-то в клубе съел? Я слышал, там в выходные многие отравились.

— Я ничего там не ел, — отвечает Дэниел. Папа недавно устроил брата в загородный клуб, и пусть Дэниел просто помощник официанта, он сколотил целое состояние на чаевых. И даже объевшись тухлых моллюсков, все равно потащился бы на работу, лишь бы добавить в свою коллекцию еще одну пару дорогущих кроссовок.

Как обычно, обо мне в семье Стерлингов-Шепардов вспоминают в последнюю очередь. По-моему, даже о нашей таксе Миле папа осведомится раньше, чем обо мне.

— Никому не дурно, — говорю я, когда его лицо появляется из-за маминого плеча. — Я тут подумала... Может, мне сегодня пойти в школу чуть позже? Часов в одиннадцать, например?

Папа удивленно вскидывает брови. Я за всю старшую школу не пропустила ни одного урока. И не потому, что я ни разу не болела. Просто мне всегда приходится так усердно стараться, чтобы быть лучшей

в классе, что я живу в постоянном страхе отстать от остальных. Единственный раз, когда я намеренно пропустила занятие, случился в шестом классе: я тогда неожиданно для себя самой улизнула со скучной экскурсии в Обществе садоводов Массачусетса с двумя мальчишками из моего класса, которых в то время толком даже не знала.

Мы сидели близко к выходу, и в особенно тоскливый момент лекции Кэл О'Ши-Уоллес начал дюйм за дюймом продвигаться к выходу из аудитории. Кэл был единственным парнем в нашем классе с двумя отцами, и втайне я всегда мечтала подружиться с ним: он казался мне забавным, у него, как и у меня, была двойная фамилия, а еще он носил рубашки с узорами, которые странным образом меня гипнотизировали. Он поймал сначала мой взгляд, а потом взгляд сидящего рядом со мной одноклассника, Матео Войцика, и призывно махнул нам рукой. Мы с Матео пожали плечами — а почему нет? — и пошли за ним.

Я-то подумала, мы просто на минуту выйдем в коридор, но прямо перед нами был выход из здания! Когда Матео толкнул дверь, мы выскочили на яркий солнечный свет, а мимо как раз проходил настоящий парад болельщиков «Ред Сокс», празднующих недавнюю победу команды в чемпионате. В общем, вместо того чтобы вернуться на наши места, мы растворились в толпе и два часа бродили по Бостону сами по себе. А когда вернулись к своим, выяснилось, что никто и не заметил нашего отсутствия. Благодаря этому приключению — Кэл назвал его «Лучший день в жизни» — наша троица быстро сдружилась. В то время казалось, что навсегда.

Наша дружба длилась до восьмого класса.

— А почему в одиннадцать? — Голос папы возвращает меня в реальность. Мама разворачивается на стуле и смотрит на него.

— Сегодня утром первое после выборов собрание, — говорит она.

— Ах, — вздыхает папа, и на его красивом лице отображается сочувствие. — Айви, мне очень жаль, что вчера так вышло. Это никак не связано с твоими способностями. Увы, не в первый — и не в последний! — раз к власти приходит недостойный ее шут. Остается лишь идти с высоко поднятой головой.

— Именно, — кивает мама так ожесточенно, что из ее французского узла чуть не выпадает прядь волос. Но не выпадает. Это же мама. — К тому же я не удивлюсь, если Брайан в конце концов сам уйдет с этого поста. Ведь он совершенно не создан для школьного самоуправления! Только ему надоест — и ты сможешь занять его место.

— Ну конечно! — весело подхватывает папа, будто в том, чтобы подчищать хвосты за Бони Махони ради президентства, нет ничего унижительного. — И помни, Айви: ожидания обычно пугают больше реальности. Наверняка сегодняшний день будет совсем не так плох, как тебе кажется. — Он кладет руку на спинку маминого стула, и они одновременно улыбаются, ожидая моего согласия, отчего их изображение на экране больше походит на фотографию. Идеальная команда: мама всегда спокойная и расчетливая, папа эмоциональный и жизнерадостный — и оба всегда уверены в своей правоте.

Беда моих родителей в том, что они никогда ни в чем не проигрывают. Саманта Стерлинг и Джеймс Шепард с самой встречи в Школе бизнеса Колумбийского университета были звездной парой, даже когда полгода спустя мой отец отчислился, решив заняться перепродажей домов. Он начал здесь, в своем родном Карлтоне, ближайшем пригороде Бостона, ставшем модным, как раз когда отец приобрел тут пару развалюх в викторианском стиле.

Сейчас, двадцать лет спустя, он один из лучших агентов по недвижимости, которым всегда удается купить подешевле и продать подороже.

В итоге ни один из них не в состоянии понять, зачем может понадобиться выходной. Или даже несколько свободных часов.

Однако, глядя на эти пышущие оптимизмом лица, я не решаюсь им пожаловаться.

— Знаю, — говорю я, подавляя тяжелый вздох, — я просто пошутила.

— Отлично! — говорит мама, одобрительно кивая. — А что ты наденешь сегодня вечером?

— Платье, которое прислала тетя Хелен, — говорю я, чувствуя, что и ко мне возвращается прежний энтузиазм. Старшей сестре моей мамы уже под шестьдесят, но у нее просто отменный вкус — и куча свободных денег благодаря ее романам, ежегодно продаваемым тиражами в сотни тысяч экземпляров. Ее последний подарок — от бельгийского дизайнера, о котором я даже никогда не слышала, — самая стильная вещь в моем гардеробе. Сегодня я впервые в нем выйду.

— А что насчет туфель?

Ничего не поделаешь, к такому платью у меня нет подходящих туфель. Может, тетя Хелен выручит меня и с ними, когда продаст свою следующую книгу.

— Черные, на каблуках.

— Идеально, — говорит мама. — И кстати, насчет ужина: не ждите нас, мы приедем слишком поздно. Можете разморозить чили или...

— Я пойду в «Олив гарден» с Тревором, — перебивает ее Дэниел. — Сразу после тренировки по лакроссу.

Мама хмурится.

— Ты уверен, что успеешь?

Это намек моему брату, чтобы он изменил свои планы.

— Конечно.

Мама уже готова возразить, когда папа упирается костяшками пальцев в стол.

— Заканчивай, Саманта, — говорит он. — Тебе еще вещи собирать.

— Точно, — вздыхает мама. Когда дело касается сбора вещей, она ненавидит спешить, поэтому разговор заканчивается, и вдруг она добавляет: — Да, Айви, ты приготовила заметки для церемонии?

— Конечно. — Я корпела над ними почти всю неделю. — Я отправила их тебе по электронке еще вчера, помнишь?

— Да, помню. Речь просто чудесная. Но я имела в виду... — Впервые с начала нашего разговора мама выглядит неуверенной в себе, чего почти никогда не бывает. — Ты распечатаешь ее и возьмешь с собой? Я знаю, как ты... Я знаю, ты иногда нервничаешь перед большой аудиторией.

У меня скрутило живот.

— Я уже положила ее в рюкзак.

— Дэниел! — вдруг кричит папа. — Поверни компьютер, Айви. Я хочу поговорить с твоим братом.

— Что? Зачем? — возмущается Дэниел, пока я разворачиваю экран, а мои щеки начинают пылать от унижения. Я знаю, что сейчас будет.

— Так, послушай, сын. — Я не вижу папу, но представляю, как он старается принять суровый вид. — Ты должен пообещать мне, что ни при каких обстоятельствах не испортишь заметки сестры.

— Пап, я и не собирался... Черт! — Дэниел плюхается на стул и картинно закатывает глаза, а я всеми силами пытаюсь держать себя в руках и не швырнуть ему в голову свою чашку. — Давайте забудем про